

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 85—94.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 85—94.

Научная статья

УДК 94(44).012

DOI: 10.46726/И.2022.1.8

ЧУДЕСА КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ СВЯТОГО-ПАТРОНА В ГАЛЛЬСКОЙ АГИОГРАФИИ IV—V ВВ.

Александра Аркадьевна Бабина

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
alex.babina@mai.ru

Аннотация. В статье анализируется использование рассказов о чудесах как инструмента для создания модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв. Анализ групп чудес, представленных в текстах житий, помогает понять, на каких элементах святости авторы агиографической литературы акцентировали внимание читателей. В рассмотренный период можно проследить две тенденции в формировании образа святого-чудотворца. В рамках первой, идущей от «Жития Мартина Турского», авторы стремятся представить святого, выполняющего социальные функции посредством чудотворения. В рамках второй, связанной с южногалльской традицией и находящейся, должно быть, под влиянием восточной агиографии, внимание агиографа сосредоточено в основном на внутренней религиозности святого. Применение такого средства, как рассказ о чуде, в данном случае довольно ограничено и скорее играет вспомогательную роль. К концу V в. именно первая тенденция получает дальнейшее оформление в агиографической литературе. Чудеса становятся практически обязательным условием для успешного завершения мирских дел святого.

Ключевые слова: модель святого-патрона, образ святого, культ святых, чудо, Церковь, галльская агиографическая литература, поздняя Античность

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору В.М. Тюленеву, а также сотрудникам кафедры всеобщей истории и международных отношений.

Для цитирования: Бабина А.А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV—V вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 85—94.

© Бабина А.А., 2022

2022. Вып. 1 •

Original article

MIRACLES AS AN ELEMENT OF THE PATRON-SAINT MODEL IN THE GALLIC HAGIOGRAPHY OF THE IV—V CENTURIES

Alexandra A. Babina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
alex.babina@mai.ru

Abstract. The article analyzes the use of miracles as a means for creating a patron saint model in the Gallic hagiography of the IV—V centuries. The analysis of groups of miracles used by hagiographers in this context helps to understand on which topos of holiness the authors of the hagiography focused their attention. During the period under review, two trends in the formation of this model can be traced. The first is connected with the creation of the Latin features of the saint in the “Life of Martin of Tours” and focuses mainly on the fulfillment of social functions by the saint with the help of miraculous powers. The second, connected with the Southern Gallic tradition, focuses on the asceticism of the saint. The use of miracles here is limited and rather indirect. By the end of the fifth century, the first trend was further formalized in hagiographic literature. Miracles help the saint to successfully complete the work he has begun, placing the saint’s authority under divine protection.

Keywords: patron-saint model, Saint image, cult of Saints, miracle, Church, Gallic hagiographic literature, late Antiquity

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the scientific supervisor, Doctor of History, Professor V.M. Tyulenev, as well as to the staff of the Department of General History and International Relations.

For citation: Babina A.A. Miracles as an element of the patron-saint model in the Gallic hagiography of the IV—V centuries, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 85—94.

Хорошо известно, что в средиземноморском мире IV—V вв. формируется культ святых, под влиянием которого в агиографической литературе вырабатывается особое понимание святости, формируемое событиями начала IV в. Благодаря так называемому перевороту Константина, гонения на христиан уходят в прошлое, и фокус внимания агиографов неизбежно перемещается с мученичества на образцовую религиозную жизнь святого [Арнаутова 2004: 102], в том числе на его пасторское служение, если героем жития оказывается епископ [Парамонова: 24].

Вместе с тем кризис периода поздней Римской империи привел к тому, что на смену «классическому патрону», который перестал быть ключевой фигурой в отношениях местного населения с внешним миром [Redfield: 36—38], пришел святой. Поскольку отношения между святым и обществом стали воспроизводить привычную для поздней античности модель социального патронажа [Браун: 75], то и в житиях на первый план выходит модель святого-покровителя.

Главным элементом патронажа была сила [Harmand: 123], помогающая изменять обстоятельства, которые на первый взгляд казались непреодолимыми. Для святого такой силой стала его способность к чудотворению [Brown: 87]. Рассказы о чудесах, в которых святой традиционно проявляет заботу

о прихожанах, сближали его с большинством верующих. Признавая особую связь святых с высшими силами, паства часто обращалась к ним за заступничеством перед Богом [Rapp: 71]. Как отмечает Д.М. Омельченко, модель святости в латинской агиографии поздней античности строилась таким образом, что от ведущего «апостольскую жизнь» пастыря ожидалось проявление дарованной Богом способности творить чудеса [Омельченко: 388]. Так возникала своеобразная двусторонняя связь. С одной стороны, святой мог опираться на свой авторитет чудотворца, чтобы успешно исполнять роль духовного и светского лидера общины, с другой — выполнение им своих пасторских обязанностей зачастую предполагало наличие чудотворных сил, необходимых пастве.

Латинская агиография нередко демонстрирует божественное вмешательство в мирские дела святого, обусловленные его положением в обществе. Агиографы IV—V вв. изображают чудеса как часть функций епископа. Многие светские дела улаживаются только с помощью божественной силы святого. Чудо, таким образом, становится важным элементом модели святого-патрона в латинской агиографии IV—V вв.

В данной статье мы попытаемся проанализировать, какие виды чудес используются для построения данной модели. Интересно также проследить, как меняются акценты в рассказах о чудесах святых в контексте их социальной деятельности на примере галльской агиографии, которая во многом стала жанровым образцом для агиографии латинской. Данные вопросы мало изучены в историографии. Кратко касались проблемы П. Браун (на материале восточных житий [Brown]) и Н.Ю. Бикеева (на материале латинских житий VI в. [Бикеева]). В позднеантичных латинских агиографиях исследователи в большей степени интересуются функциями некоторых групп «чудес» [Арнаутова 1995; Wittmer-Butsch, Rendtel; Grey].

В Галлии основу агиографического образа святого закладывает Сульпиций Север в «Житии св. Мартина Турского» [Омельченко: 388], созданном около 397 г. Чудеса здесь сгруппированы не в хронологическом порядке, а тематически: отдельно повествуется о чудесах воскрешения, экзорцизма и исцеления. Данная тематика находится в рамках литературной традиции Священного Писания. Этот комплекс чудес условно можно назвать «телесными чудесами», поскольку все они направлены на оказание людям физической помощи. Посредством изображения в первую очередь «телесных чудес» агиограф стремился сформировать у читателей образ святого-патрона, заступника своей общины.

Так, например, Мартин Турский изгоняет демона из раба Тетрадия, «мужа проконсульского звания», и тем самым обращает в христианскую веру самого раба (*Vita Mart.* 17, 1—4). Одного лишь письма, написанного Мартином Турским, достаточно для исцеления девушки, больной лихорадкой. Чудесное событие производит на отца девушки столь сильное впечатление, что он посвящает свою дочь Богу (*Vita Mart.* 19, 1—2). Воскрешение святым некоего оглашенного, не успевшего принять крещение, дает ему возможность принять христианство и обрести спасение (*Vita Mart.* VII, 2—7).

Именно темам обращения язычников и укрепления христианской веры Сульпиций Север уделяет наибольшее внимание в житии. При этом многочисленные рассказы о чудесах часто способствуют достижению поставленных задач [Klaniczay: 241]. Помимо «телесных чудес», для формирования образа Мартина как борца с язычеством и проповедника христианского учения агиограф использует чудеса, не нарушающие законы природы, но трактуемые как

чудесные в силу специфики религиозного взгляда на окружающий мир. Для читателя поздней античности, скорее всего, сверхъестественная сторона данных событий была очевидна, современный же читатель понимает это благодаря авторским комментариям.

Так, Мартин хотел срубить священную сосну в одной из деревень, однако жители воспротивились этому и выставили залог: они сами срубят дерево, но Мартин будет положен на место, куда должна упасть сосна. Епископ Тура согласился, однако срубленное дерево не коснулось святого, упав в противоположную сторону. «Язычники, обратившись к небу, издали крик и застыли, [пораженные] этим чудом. Монахи же плакали от радости: имя Христа радостно всеми возглашалось» (*Vita Mart.* XIII, 9; пер. А.И. Донченко). Сульпиций Север абсолютно уверен во вмешательстве божественной воли в произошедшее. Рождаемое чудом изумление, по средневековым понятиям, — уже определяющий признак чудесного [Жарова: 50].

В данном эпизоде примечательным также является подчинение обоже- ствляемой язычниками природы божественным силам, к которым обращается святой Мартин. Природа в средневековом понимании несамостоятельна, она сотворена Богом, а потому подчиняется ему и прославляет его [Гуревич: 58]. Более того, человек также подчиняется божественному повелению. Так, Мар- тин желает разрушить языческий храм в деревне Лепроза, но толпы язычни- ков прогоняют святого. После видения двух ангелов, которые посланы для защиты Мартина Турского, он возвращается в деревню: «в присутствии без- молвной толпы язычников Мартин до основания разрушил нечестивое строе- ние, а все алтари и идолов обратил в прах. Увидев в этом веление Бога не противодействовать епископу, пораженные и напуганные обитатели деревни почти все уверовали во Христа» (*Vita Mart.* XIV, 3—7; пер. А.И. Донченко).

Божественное вмешательство не позволяет язычникам, разозленным из- за разрушения капища, убить Мартина. Один, подняв меч на епископа, ока- зывается повержен на землю, другой, пытаясь ударить святого, роняет из рук нож (*Vita Mart.* XV, 1—3).

Несмотря на то, что значительная часть текста *Vita Martini* посвящена деятельности святого по устройению монашеской жизни в Галлии, которое может быть рассмотрено как составная часть патронажа святого над паствой, использование чудес в этом мотиве невелико. Сохраняется только тематика искушения святого дьяволом, которая никак не связана с деятельностью Мартина по организации и обустройству монастыря. В житии мы не встречаем распространенных в восточной агиографии сюжетов о приручении диких животных или добыче пресной воды. Обуздание природы через чудеса, со- вершенных по молитве святого, подчеркивает его борьбу с язычеством, а не помощь в распространении монашества. По всей видимости, для Сульпиция Севера чудо — это в первую очередь инструмент дальнейшего развития идеи социальной ответственности святого для выполнения им таких папских обязанностей, как распространение и укрепление веры [Парамонова: 24—25].

Восточные мотивы чудес появляются в галльской агиографии позже в «Похвальном слове о жизни св. Гонората» Илария Арелатского, созданном до 432 г. Иларий посвящает большую часть текста не свидетельству о чудотво- рениях Гонората Арелатского, а созданию образца доброго пастыря, прояв- лявшего духовную заботу о пастве. Сюжет и композиция «Похвального сло- ва» в большей степени сосредоточены на основании святым Леринского монастыря и его пребывании в нем. Немногочисленные упоминания о чудесах

святого вплетены в рассказ об устройении монастырской жизни. Главной группой чудес, которые описывает или упоминает агиограф, оказываются чудеса, воздействующие на природу. Так, Гонорат изгоняет с острова змей, чтобы обезопасить жизнь монахов (*Vita Honor.* 15, 4); кроме того, благодаря его силе, на острове появляется пресная вода (*Vita Honor.* 17, 1).

Такое построение сюжета жития, а также близость некоторых ораторских приемов Илария к греческим агиографическим текстам наводит исследователей на мысль о том, что данный труд создавался под прямым воздействием восточного риторического искусства [Певницкий: 44] и в большей степени ориентировался на восточные образцы концепта святости.

Социальная деятельность Гонората Арелатского как епископа раскрывается не так полно, хотя один важный аспект образа святого как защитника общины находит в тексте свое отражение. «Похвальное слово» — одно из первых житий, описывающее практику выкупа пленных святым, что позже станет важной составляющей образа святого-патрона [Тюленев: 86]. Однако чудеса в данном контексте не используются.

В «Житии святого Илария, епископа Арелатского», составленном в конце V века Гоноратом Массилийским, в целом воспроизводится тот аскетический идеал, который сам Иларий заложил в своей речи о святом Гонорате. Так же как и Иларий, Гонорат Массилийский приводит не так много рассказов о чудесах, совершенных святым. Но в отличие от «Похвального слова о жизни св. Гонората», житие Илария повествует в основном о выполнении епископом социально-административных функций. Тем не менее немногочисленные рассказы о сотворенных епископом чудесах также служат формированию образа святого патрона.

Так, в тексте жития описывается несчастный случай, произошедший во время строительства базилики с дьяконом Кириллом, которому упавший кусок мрамора повредил ногу. Рана служителя вызывает боль у самого Илария, поэтому он, не раздумывая, соглашается на предложение ангела, явившегося в видении, забрать боль Кирилла себе (*Vita Hilar.* 5, 20). Очевидный мотив милосердия святого к своим священникам переплетается с сюжетом заботы о городе. Как и большинство патронов того времени, Иларий активно занимался строительством в Арелате. Используя семантику чудес исцеления, агиограф добавляет в рассказ идею о принятии боли святым за другого человека. По всей видимости, истоки данной фабулы можно отыскать в вере в то, что святой может нести на себе тяжесть чужого греха [Rapp: 81].

Интересно также применение Гоноратом Массилийским чудонаказания для формирования рассматриваемой модели. Эпизод краткий, однако хорошо дополняет созданный в житии образ святого как строгого до суровости пастыря: «Ибо, когда попусту возбужденная толпа народа в безрассудном обольщении ринулась к нему, взволновав его душу, большая часть города сгорела от ниспосланного с неба огня, так что также и те, кто понес значительный ущерб, крича громким голосом, что за него постигла их эта кара, с рыданием требовали милосердия, бросившись к его коленям» (*Vita Hilar.* 5, 18; пер. Д. Зайцева). Автор не останавливается на причине конфликта паствы со своим епископом (по всей вероятности, агиографу очевидна правота последнего в силу его святости). Более важным оказывается изображение божественного вмешательства во взаимоотношения горожан и Илария, который не намерен уступить человеческим слабостям.

Таким образом, в житии Илария чудеса в большинстве своем используются для построения обобщенного образа святого, заботящегося о своем городе и пастве. Стоит отметить, что рассказы о чудесах не несут основной нагрузки в создании модели святого-патрона, скорее отображая такие добродетели Илария, как смирение и милосердие [Wiśniewski: 840]. Используя более рационалистический подход в повествовании об арелатском епископе, Гонорат Массилийский почти не обращается к чудесам святого.

Иначе выстраивается модель патронажа святого над своим городом в «Житии Германа Осерского» Констанция Лионского, написанном около 480 г. Значительную часть текста занимает описание чудес, совершаемых святым. Вслед за Сульпицием Севером Констанций Лионский широко применяет рассказы о чудесах в качестве средства построения модели святого-патрона. Зачастую именно чудеса так или иначе помогают Герману успешно завершить начатое им дело и выполнить социальные обязанности епископа. Герман представляется читателю защитником своей общины, постоянно беспокоящемся о ее благе. Наиболее наглядно взаимодействие епископа и горожан Осера демонстрируется в эпизоде возвращения Германа из путешествия в Британию. За время отсутствия епископа подати выросли и стали непосильны для жителей города. «И вот, [еще недавно] покинутые, [горожане] вновь обретают защиту, [Герман] узнает о положении дел, горько сетует и <...> принимается за труды по устройению земных дел с намерением отыскать средства для города» (*Vita Germ.* 19). Как видно из дальнейшего рассказа, снижения налогов для горожан Осера Герман добивается чудесным возвращением здоровья жене префекта Галлии (*Vita Germ.* 24).

Помимо чудес, ставших к V в. традиционными для латинской агиографии, для описания взаимоотношений святого-патрона и прихожан автором используются и более приземленные, более доступные обыденному сознанию чудеса. К примеру, один из эпизодов жития св. Германа повествует о возвращении епископом голоса петухам: «И когда он провел ночь, проявляя обычное усердие в божественном труде, наступил рассвет без каких бы то ни было предваряющих криков петухов, хотя в тех домах не было недостатка в этих птицах. [Герман] спросил о причине этой странности и узнал, что прошло немало времени с тех пор, как вместо естественного крика петухов наступило жуткое молчание. По просьбе всех он дал [особую] плату за ночлег. В самом деле, он, взяв пшеницу, благословил ее так, что накормленные ею птицы утруждали слух жителей своим частым пением вплоть до отвращения» (*Vita Germ.* 11).

Автор дает оценку такому «бытовому» чуду своего героя: «Так божественная добродетель и в делах малых большие превосходила» (*Vita Germ.* 11). Незначительные на первый взгляд чудеса, связанные с повседневной жизнью, были более понятны простым людям. Рассказ строится в привычных для сельского населения Галлии формах и категориях мышления. Поскольку роль епископа, активно участвующего в повседневной жизни своей паствы, растет, можно предположить, что такие чудеса демонстрировали помощь святого в удовлетворении нужд людей. С их помощью агиограф усложняет модель святого-патрона, изображает его как человека неравнодушного к повседневным проблемам прихожан и способного проявить божественную помощь даже в мелочах.

В то же время этот рассказ об обыденной истории наполняется дополнительным теологическим смыслом. Вполне вероятно, что пшеница должна была стать для читателей аллюзией на евхаристический хлеб, который приносит верующим единение с Господом. Возможно также, что в условиях продолжающегося конфликта между никейцами и арианами игра слов *galli* —

Galli («петухи» — «галлы») и постоянное упоминание Троицы в тексте жития должны были натолкнуть читателя на мысль о том, что вновь обрели голос не птицы, а галлы. Таким образом, Герман, исповедующий Троицу, возвращая голос птицам, как бы наставляет еретиков обратно на праведный путь [Бабина, Тюленев: 42—43].

Эти скрытые теологические смыслы, по всей видимости, способствуют созданию образа святого как миссионера и борца с ересями. Последняя тема занимает значительное место в *Vita Germani* и вытесняет, по мере распространения христианства, тему борьбы с язычеством, отмеченную нами как одну из ключевых в житии Мартина Турского. Герман, изображенный защитником ортодоксальной веры, совершает две миссии в Британию для борьбы с пелагианством. Обе завершаются благополучно благодаря совершению епископом чудес.

Чудо исцеления слепой девочки помогает Герману окончательно одержать верх над пелагианской ересью, распространившейся на Британском острове, и укрепить в вере людей, введенных в заблуждение (*Vita Germ.* 15). То же происходит и во время второго посещения Британии епископом, когда на глазах у людей он исцеляет расслабленного сына Элафия (*Vita Germ.* 26). По всей видимости, вслед за житием Мартина Турского в *Vita Germani* для формирования рассматриваемой модели святости используются в первую очередь «телесные чудеса».

Помимо этого, одной из ключевых в произведении является тема дипломатических миссий и посредничества святого. Констанций сосредотачивает внимание читателей на путешествиях Германа, формируя новый для галльской агиографии образ святого-посла. В своих миссиях Герман публично совершает «дипломатические» чудеса, которые не только демонстрируют его святость, но и помогают воплощать задуманное в жизнь. Кроме «телесных чудес» для этой цели в тексте жития используются также чудеса, не нарушающие законы природы.

Так, Аэций потребовал от Гохара, свирепого короля племени аланов, подавить восстание багаудов. Герман, пытаясь предотвратить кровопролитие, сперва стал умолять короля. Когда же Гохар захотел оттолкнуть епископа, тот схватил поводья, остановив его и все следовавшее за ним войско. И, как пишет Констанций Лионский, «в ответ на это свирепейший король вместо гнева, по побуждению Божьему, выразил удивление, восхитился его твердостью, проявил уважение и уступил перед непоколебимостью его силы» (*Vita Germ.* 28). Как видно, агиограф уверен во вмешательстве божественной воли в произошедшее. Хотя события не носят необъяснимого характера, они представляются читателю удивительными и чудесными.

Интересно, что чудеса в *Vita Germani* также способствуют формированию единого сюжета. Каждый рассказ о чудесах мог бы быть рассмотрен в отдельности, и тем самым его дидактическая ценность, возможно, была бы даже выше. Констанций же, напротив, включает отдельные эпизоды чудес в единый сюжет, который отличается четкой последовательностью повествования. Таким образом, рассказы о чудесах способствуют созданию образа святого-посла, не только завершая эпизод о каком-либо посольстве, но и позволяя агиографу выстроить единую повествовательную последовательность [Gillett: 119—120]. С развитием повествования репутация святителя укрепляется благодаря чудесам, которые оказываются тесно вплетены в главную сюжетную линию жития — дипломатические миссии святого.

Заметим, что сюжет посредничества Германа в конфликтных ситуациях способствует нарастанию силы и влияния фигуры святого. Констанций показывает, как божественная сила посредством чудес помогает Герману справиться с задачами епископа и проповедника, укрепить веру в сердцах людей. Герман превращается в патрона не только Осера, но и Галлии в целом.

Обобщая вышесказанное, отметим, что для формирования образа святого-патрона агиографы используют традиционные для агиографии чудеса, призванные продемонстрировать божественное могущество, укрепить авторитет святого как в духовных, так и в светских делах. По мере роста значения епископа в регионе появляются «бытовые» чудеса, показывающие божественную заботу о людях в их повседневной жизни.

Чудеса, таким образом, оказываются встроены в новую систему моделей святости в агиографии раннего Средневековья. В целом можно выделить две тенденции в формировании модели святого-патрона в Галлии: южно-галльскую, тяготеющую к аскетическо-монашеским традициям восточного христианства и центральногалльскую, описывающую активное взаимодействие святого с паствой. Именно вторая модель была воспринята латинской агиографией, что во многом определило принципы построения концепции святости в средневековой Европе.

Список источников

- Hilarius Arelatensis. Sermo de vita sancti Honorati episcopi Arelatensis // PL. T. 50. Col. 1249—1272. (*Vita Honor.*)
- Sulpicius Severus. Vita Martini / ed. K. Halm // CSEL Vol. 1. Wien, 1882. S. 109—137. (*Vita Mart.*)
- Vita Germani Episcopi Autissiodorensis Auctore Constantio / ed. W. Levison // MGH SS. rer. Merov. Bd. 7. Hannover and Leipzig, 1920. S. 247—283. (*Vita Germ.*)
- Vita Hilarii Arelatensis // PL. T. 50. Col. 1219—1246. (*Vita Hilar.*)

Список литературы / References

- Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и народная «религиозность» в средние века // Одиссей: человек в истории. М.: Наука, 1995. С. 151—169.
(Arnautova Yu.E. Miraculous Healings by Saints and “Folk Religiosity” in the Middle Ages, *Odissei: Chelovek v istorii. Predstavleniia o vlasti*, Moscow, 1995, pp. 151—169. — In Russ.)
- Арнаутова Ю.Е. Imitatio Christi: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии // Одиссей: человек в истории. М.: Наука. 2014. № 1 (25). С. 99—139.
(Arnautova Yu.E. Imitatio Christi: Theologeme and Literary Model in Benedictine Angiography, *Odissei: Chelovek v istorii*. Moscow, 1995, no. 1 (25), pp. 99—139. — In Russ.)
- Бабина А.А., Тюленев В.М. Констанций Лионский и «Житие Германа Осерского» // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. № 8. С. 41—45.
(Babina A.A., Tyulenev V.M. Constantius of Lyon and the Vita Germani, *Cursor Mundi: A Man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance*, Ivanovo, 2016, no. 8, pp. 41—45. — In Russ.)

- Бикеева Н.Ю. Чудеса св. Радегунды: о некоторых функциях *mirabilia* в раннем Средневековье // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 1. Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. Т. 150, кн. 1. С. 195—202.
- (Bikeeva N.Y. St. Radegund's Wonders: Some Functions of *Mirabilia* in Early Middle Ages, *Scientific notes of Kazan State University, Humanities series*, vol. 150, b. 1, Kazan, 2008, pp. 195—202. — In Russ.)
- Браун П. Культ святых: его становление и роль в латинском христианстве: пер. с англ. / под ред. С.В. Месяц. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
- (Brown P. The Cult of the Saints. Its formation and role in Latin Christianity, transl. from English; ed. by S.V. Mesyac. Moscow, 2004. 207 p. — In Russ.)
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- (Gurevich A.Ya. Categories of medieval culture. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 1984. 350 p. — In Russ.)
- Жарова И.Ю. Функциональное назначение чудес в «Проскинитарии» Арсения Суханова и «Житии» протопопы Аввакума // Вестник славянских культур. 2012. № 3. С. 50—57.
- (Zharova I.Y. The functional purpose of miracles in Arseniy Sukhanov's "Proskinitarium" and the "Life" of Archpriest Avvakum, *Bulletin of Slavic Cultures*, 2012, no. 3, pp. 50—57. — In Russ.)
- Омельченко Д.М. Цезарий Арелатский — епископ и пастырь. М.; СПб: Центр гуманитар. инициатив: Петроглиф, 2021. 472 с.
- (Omelchenko D.M. Caesarius of Arles — bishop and pastor. Moscow, St. Petersburg, 2021. 472 p. — In Russ.)
- Парамонова М. Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 22—29.
- (Paramonova M.Yu. Hagiography, in *Dictionary of Medieval Culture*, ed. by A.Y. Gurevich. Moscow, 2003, pp. 22—29. — In Russ.)
- Певницкий В. Арелатские проповедники V—VI вв. <Св. Гонорат и Иларий Арелатские> // Арелатские проповедники V—VI вв.: сб. исслед. и пер. / под ред. А.Р. Фокина. М.: Империиум Пресс, 2004. С. 7—58.
- (Pevnitskii V. Arelatsky preachers of the V—VI centuries. Honoratus and Hilary of Arelat, *Arelat preachers of the V—VI centuries, collection of research and translations*, ed. by A.R. Fokin, Moscow, 2004, pp. 7—58. — In Russ.)
- Тюленев В.М. Выкуп пленных в контексте становления христианского общества в Западной Европе V — начала VI в. // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 1. С. 84—91.
- (Tyulenev V.M. Redemption of captives in the context of the establishment of the Christian community in Western Europe in V — early VI century, *History Journal: Researches*, 2012, no. 1, pp. 84—91. — In Russ.)
- Brown P. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity. *Roman Studies*, 1971, vol. 61, pp. 80—101.
- Gillett A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West. New York: Cambridge University Press, 2003. 335 p.
- Grey C. Demoniacs, Dissent, and Disempowerment in the Late Roman West: Some Case Studies from the Hagiographical Literature. *Journal of Early Christian Studies*, 2005, vol. 13, pp. 39—69.

- Harmand L. Libanius, Discours sur les patronages: Texte traduit, annoté et commenté. Paris: Presses universitaires de France, 1955, 216 p.
- Klaniczay G. Healing with Certain Conditions: The Pedagogy of Medieval Miracles. *Cahiers de Recherches Médiévales et Humanistes: A Journal of Medieval and Humanistic Studies*, 2010, vol. 19, pp. 235—248.
- Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2005. 356 p.
- Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1960, 288 p.
- Wiśniewski R. Spreading belief in miracles in the late antique West. *Mélanges Bernard Flusin (= Travaux et Mémoires 23/1)*. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2019, pp. 833—848.
- Wittmer-Butsch M., Rendtel C. Miracula. Wunderheilungen im Mittelalter. Köln-Wien, Böhlau, 2003, 387 p.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Бабина Александра Аркадьевна — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alex.babina@mail.ru

Babina Alexandra Arkadievna — Postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alex.babina@mail.ru